

FLASH-СЕРИЯ “КНИЖНАЯ ИМПЕРИЯ ВОЛКОДЛАКА”

Свадебные

Игорь Чубанов

Заметки 2

КНИЖНАЯ ИМПЕРИЯ

Рукописи
Волкодлака

Свадебные
Заметки

Дневники
Анны

Дочь
Волкодлака

КНИЖНАЯ ИМПЕРИЯ
ВОЛКОДЛАКА

ВОЛКОДАК и Анна

“ФОТО -
Комменты...”

Часть вторая

Игорь Чубанов
Свадебные заметки
– 2. Часть вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39411130
ISBN 9785449374868

Аннотация

Стихотворная проза жизни с элементами фэнтези. «Настольная книга» исключительно для дамского чтения... либо «психологические измышления тантрического сумасшедшего» для всеобщего любопытства женского. Взаимоотношения людские... вне политики, вне религии: материальность мыслей, чувств экстрасенсорность... Раздел второй: рассуждения Волкодлака Ненавязчивого о свадебно-семейном выборе Анны... Продолжение.

Содержание

ЦЕПЯМИ ГИМЕНЕЯ СТАЛА СВЯЗЬ КОЛЕЦ...	5
часть вторая, раздел второй	5
Фотокомментарий №0053	6
Фотокомментарий №0054	9
Фотокомментарий №0055	13
Фотокомментарий №0056	17
Фотокомментарий №0057	20
Фотокомментарий №0058	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Свадебные заметки – 2

Часть вторая

Игорь Чубанов

Дизайнер обложки Игорь Чубанов

© Игорь Чубанов, 2019

© Игорь Чубанов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-7486-8 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-4845-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦЕПЯМИ ГИМЕНЕЯ СТАЛА СВЯЗЬ КОЛЕЦ...

часть вторая, раздел второй

(для неопубликованных фотографий с Анной)

Фотокомментарий №0053

Узорчатостью лепестков и завитков
из кованого злата хвалится ограда:
за ней хранится фотоснимок как награда,
доступная лишь памяти Зверя зрачков —

так охраняются на выставках, в музеях
творения-шедевры мастеров великих
от посягательств тварей первобытных, диких
особей, пакостить любящих в галереях —

вдруг кислотой облить прекрасную «Данаю»,
и с вождельем «зырить», как плавится тело
Рембрандта женщины, чтоб вонью засмердело
мастера полотно... мол, тоже ведь страдаю,

когда сочится в дымке ядовитой смеси
и набухает пузырями-волдырями
масляных красок боль, и плачутся слезами
мазки под взмахом параноидальной спеси,

вспороншей лезвием разорванный хруст ткани,
Данаи обнажённости ран добавляя,
смертью холста дегенерата забавляя
среди плевков-восторгов нецензурной брани!

Вот так и от меня, от Волкодлака, Анна
свадьбой своей отгородилась как оградой...
Колец венчанье обозначилось преградой
для Зверя-Оборотня, Хищника-тирана?

И тенью мрака падает на золотой
узор ограды счастья свадебного пира
смятенье слов потустороннего вампира,
соприкоснувшегося мыслью с красотой:

«Так непонятно Анны долгое молчанье
и нежеланье – даже другом – меня знать...
Всему виной колоколов свадьбы звучанье?
Счастья настолько много, что можно плевать

пренебрежительно, с презрением, безразлично
и в Волкодлака... и в стихи... и в «Письма к Анне»?
Кто же из нас, двоих, упорствует в обмане
столь затянувшимся, что просто неприлично

стало на мистику так закрывать глаза,
во лжи песок зарывшись всем известной птицей?»
А судьба ночи-дни сменяет вереницей,
пока льнёт к сердцу Зверя из крови слеза...

Но ведь чужая – не моя, не Волкодлака:
кто может выдавить из Оборотня плач?
Ну, если только стоматолог – зубной врач,

когда с клыками щипчиков наступит драка;

и взмокнет стоматолог, силясь и пытаясь
не поцарапать инструмент о лезвий сталь,
с тоской уже уставив глазки в окон даль,
с матами слов крепости пасти ужасаясь,

всех обложив в уме – вплоть до созвездья Рака;
включая в список, собственно, и Козерога,
пока Зверь размышляет... не спросить ли Бога:
«Сокрыт в молчаньи Анны смысл Тантры знака?»»

Фотокомментарий №0054

Орнаментальной вязи строгость из металла
и солнечность скачущих «зайчиков» на нём,
целующих его всегда – утром и днём,
сколько бы троица из роз им не шептала,

мол, нарушаете торжественность момента —
мы же знакомимся опять с букетом Анны,
которому прикосновенья так желанны
платья как пьедестала или постамента —

на девушки коленях, с грацией сидящей... —
словно общенье дочери с папой любимым,
с кокетством обожания неповторимым
среди защищённости любовью настоящей;

пурпурный цвет бутонов с розы лепестками
и бархат снежности букета среди вуали —
будто беседа двух сердец, где нет печали, —
и там не машут ссора с дракой кулаками, —

а тянутся друг к другу трепетом свиданья,
переплетаясь ароматами букетов,
делясь таинственностью свадебных секретов
с цветочной откровенностью воспоминанья...

И это вместе всё – с беседой разговор,
и обожанье дочери, и душ вниманье —
лишь предвкушенья радостное ожиданье,
как распахнётся шёпотом Зверя признанье,
украшив птицами из слов мечты простор...

– Ань, ты же знаешь, как ценю я твоё тело,
хотя к тебе я никогда не прикасался —
с пальцев хрустальностью лишь только целовался...
От моего вниманья, Ань, сердечко пело?

С «взглянувшей на меня... Мечтою» танцевать
в мерцаньи ужина вечернего свечей,
когда уложим сладко спать наших детей,
так Зверю хочется... Ты любишь, Ань, мечтать?

...Рядом с тобой идти, запястье прижимая,
локтем касаясь невзначай твоей груди;
и топотит ножками дочка впереди —
«Солнышко» счастья от «ромашкового рая»...

...Сидеть напротив, цветом локона любуясь;
соприкасаясь мыслями с твоей улыбкой —
ведь поцелуй в детском кафе будет ошибкой:
дочка всё видит... с малышнёй в кругу тусуясь!

– Иль наша дочь, Ань, посчитает себя взрослой:
«С вами сидеть хочу... и всё, что можно, – видеть!»

Попробуй только, Ань, дочь окриком обидеть —
на Волкодлака накричалась в жизни прошлой...

Детства глазёнками и взглядом карих глаз
когда-нибудь сможет ли Зверь налюбоваться?
Ведь это надо: так женой околдоваться,
что даже дочь считает: «Ну, как в первый раз!»

Внимая утончённости телодвижений,
в гармонию созвучий музыки вливаясь,
для Волкодлака! – танцем мамы впечатляясь,
дочь выбирает одно из своих решений:

у мамы путаясь в ногах, Зверя заставить
со славы подиума маму удалить,
чтоб на себя всю похвалу танца взвалить
и поцелуй от Хищника себе прибавить!

– Быть постоянно вместе, Ань... дома, в гостях,
бизнес-работу совместив с семейным счастьем,
время связав с секса желаний самовластьем,
забыв о том, кто приезжает к нам на днях —

тебе не хочется, Ань, жить такой мечтой
иль ты не веришь в виртуальности реальность?
Только всё это для меня – факта банальность,
даже когда не Тантрой жил – жизнью простой...

Как же мне убедить тебя судьбу доверить

власти созвездья лучшего мужского знака?
Мне, Волкодлаку, видите ль, дочь может верить,
а Анна – нет! Зодиакальное упрямство Рака?

...Прикосновениями мешать Анне готовить,
улыбкой счастья расплываясь от касаний
с трепетом исходящих от жены желаний...
Кто над вниманием мужским будет злословить?

И каждый день – лишь так... и будет в любой век!
Чем Волкодлака, Ань, мечты плохи иль грёзы?
От наслажденья строчками Аннушки слёзы
я вижу мысленно... как Зверь иль человек?

Фотокомментарий №0055

Темно-бордовый цвет раскрывшихся бутонов —
с мерцанием в сердцевинах роз звёзд-огоньков,
так схожих с трепетным биением мотыльков,
сгорающих над пламенем среди криков-стонов

безмолвно-тягостных, – с правами сюзерена
над окружившими его подобострастно
вассалами из листьев, чувствовал прекрасно
себя, вольготно даже, не учтя суть плена,

что исходила от орнамента узора,
которым тот легко опутал уголки...
и угодил цвет в паутину как в силки,
смертельно жадных до желания надзора

над судьбами живого – миром неживым,
с заманчивостью красоты 3D-цветков,
с сиянием вспышек-искорок среди завитков
винтажной вязи, что подобно ножевым

разрезам-вдавливаниям в плоть фотошедевра,
мигом залили пустоту жаром металла,
картину с Анной превращая в грань кристалла
с оправой из узорной чувственности нерва,

которым обернулся разум Волкодлака,
золота электропроводностью вдруг став,
права живого мира с неживым поправ,
милость явил страстностью слов как клейма знака:

– Я раздевать хочу тебя Анной-Богиней,
иль Королевой, или женщиной-Колдуньей
(кстати, прабабка Анны ведь была ведуньей —
знать, «дело» бабки продолжает Анна ныне...)

и ощущать дрожь холодящую твою
так, что внутри меня вновь «бабочки порхают»;
крыльями сердце Аннушки так обнимают,
будто я там уже... в «ромашковом раю»!

Во взгляде Анны, как в распахнутой душе,
вот бы увидеть Волкодлака отраженье
и ощутив тканью одежды притяженье
пальцев-когтей-лезвий к женскому неглиже,

власти неумолимостью начать снимать
части одежды женской, Анну раздевая;
соблазн шёпота готов исцеловать
прелести тела, словом кожу обнимая,

чтобы коснувшись утончённости груди,
с нежности плеч – к улыбке губ Анны подняться
и вздохом поцелуя к лику прикоснуться:

ведь ласки Хищника – как и у всех людей!

Застежку лифа расстегнуть, спины коснувшись,
жаром ладони трепет Анны ощущая;
чувственностью дыханья-стона замирая,
в бездну упасть, душою-птицею взметнувшись;

и распахнётся, предъявляясь Зверю взору
вся обнажённость Анны вкусом своею...
от «вишен» затвердевших – в раз оцепенею,
с благоговеньем к сексуальному узору,

нарисовавшему сюжетность мягких линий
упругой темой-фабулой формы холмистой —
не зря я Анну представлял Зверя Богиней...
нет, ароматней даже – девственностью чистой!

Отблесками когтей пройдуся по вкусной коже,
прелесть округлостей клыками вновь рисуя:
«Анна (ужель бабьим согласиём рискуя?) —
женщиной! – Волкодлака принимает, боже?

И я теперь могу, мужчиной обратившись,
губами, пальцами и языка касаньем,
того добиться, чтобы стать Анны желаньем:
«французской смертью» умереть,

вновь возродившись

из пепла фениксом средь пирамид экстаза,

страсть вознеся на уровень Эйфеля башни;
иль первозданность взборонив целинной пашни,
вновь ожидать от тела просьбы иль приказа!»

Секса канвой на полотне слов ритм «вышит»?
Тут я поставлю многоточье для вопроса —
пока достаточно этапов ралли-кросса,
с креном опасным стихотворного «заноса»!
Или читая, Аннушка уже не дышит?

Фотокомментарий №0056

– Из волн орнамент так затейливо с причёской
соприкоснулся словно сходство подтверждая
локонов Ангела «ромашкового рая»
и океанских, не уложенных расчёской,

на радость свадебному дню или невесте... —
шепнула младшая из роз, приникнув к цветку
своей подружки старшей, подражая лету,
что льнуло к розам теплотой дня,

с солнцем вместе...

А старшей розе не до лепетанья младшей:
она в винтажный уголок уж превратилась —
орнаменту узором листьев полюбилась
в отличие от соперницы, слегка увядшей, —

и теперь вправе к прядям Анны прикасаться
нежностью листьев и бутонов ароматом,
цвет лепестков перемешав с сиянья златом,
чтоб Волкодлак даже не вздумал опасаться —

понравится ли стильность рамки как багета,
Аннушке фотоснимку, ставшему картиной?
Крик слов и рифмы стон, сокрытых под личиной,

знаком вопроса замерли вместо ответа...

– Анна шесть длинно-долгих лет с мужем живёт:
ей третьим лишним Оборотень-Зверь не нужен...
Зачем боль памятью всегда надежду бьёт:
«Анна ужасно счастлива с любимым мужем!»

Подумать только... сколько времени прошло:
разум гусиной кожей сердце покрывает...
или во мне кто-то так чувством помогает,
чтоб одиночество былём не поросло?

Память наказывает Волкодлака следом
видений-образов, когда была другой
та, моя Анна... коей был совсем неведом
страх перед сущностью моей, ставшей иной?

И как по супермаркетам вдвоём бродили,
наряд подыскивая к «мужа» вечеринке,
и как со встречи нашей на базаре-рынке,
Анну до дома провожал, и как просили

её глаза меня – о чём? – поверх дисплея,
когда не ведала она, что видел я...
Теперь у Анны настоящая семья,
а я стал Оборотнем, с каждым днём зверея!

Кто же тогда во мне опять плачем кричит...
будто общаюсь я с чужой, замужней Анной?

Мысль моя стала такой материальной
настоль, что Анна до сих пор рыбой молчит,

в Вуалехвоста самку явно превратившись,
семьи аквариум украсив срочно дочкой?
Жаль, многоточие всё ж обернулось точкой:
исчезло словно по-английски, не простившись...

Красноречивостью строки Зверя безмолвной
ломает сердце, душу вздохом истязая,
взгляд Недотроги из «ромашкового рая» —
нарочно-специально иль того не зная? —
цепью связав меня тантрически-любовной!

Фотокомментарий №0057

Вуалью звёздной обнял сосны Волкодлак,
узор багета совместив с фоном картины
«Анна на троне» и по знаку той личины,
кою таит за буреломом буерак,

сосны предстали воплощением колонн,
в мерцаньи шлейфов, движущихся по спирали, —
от туфель Анны вдоль сосновой вертикали
до цвета яблоневых веток, чей поклон,

став опахалом, над невестой распротёрся, —
явив собой величие амфитеатра:
на троне власти восседает «Клеопатра»,
к ножкам которой «Птолемей» доверьем втёрся,

Хищника взором охраняя аромат
приникшей к туфелькам гирлянды из цветков
с нежностью ласки яблоневых лепестков,
Зверя восторг усилив этим во сто крат...

— С кровавостью тлеющих угольков-зрочков
среди вздоха листьев, ждущих поцелуя ветра,
я проступлю пред Аннушкой ужасом снов,
застыв клыкастым ликом в очертаньях слов,

озвученных на расстоянии парсека-метра

мною, Зверем, – для очарования слиянья
красивой женщины с изяществом богини,
позволившей перилам выразить признанья
шорохом звуков среди женского молчания,
подчёркивающего утончённость линий

витающего аромата стати женской,
что так чарует чувственностью Волкодлака,
созвучной вальсу, с музыкальностью нот венской;
красу скульптур культуры греческо-микенской
живой Богиней воплотив в созвездье Рака!

Запахом леса вновь в себя вливаю нежность,
в причёске локонов запутываясь вздохом;
клыкастость лезвий охраняет безмятежность
мечтаний Аннушки... и время, бесполезность
вдруг ощутив свою, уж не считает сроком

женской судьбы – миг воплощенья красоты,
что дали Боги-Ангелы Аннушке в дар,
став вечностью «взглянувшей на меня... Мечты»:
«Ань, неужели красота – и есть лишь ты?» —
Хищника восхищенье превратив в пожар

сердца, в души смятенье, с безнадёгой боли,
надежду убивая ревностью мужской,
разум в тисках удерживая силы воли:

«Ань, ты ошиблась выбором! Не видишь, что ли?»
В ответ лишь мысленный – от Тантры – непокой:

я – диадемой! – Анны локоны ласкаю,
жемчужным украшением кожу целую,
свадебным лифом платья груди обнимаю,
на бёдрах Анны ароматом цветов таю,
изяществом туфельек страсть ножек волную...

Я раздеваю Анну взглядом Волкодлака
как самку, мне принадлежащую по праву
завоевавшего созвездье зодиака
упрямством наглости от Козерога-знака...
и клацал я клыком на то, что не по нраву

кому-то из родни иль Анны окруженья...
и уж тем паче на претензии от мужа —
я жду лишь от Богини-Ань знака-решенья,
а остальным в глотку вобью собственность мненья,
если от страха не «всплакнёт» под Зверем лужа!

Фотокомментарий №0058

Тонкая вязь витиеватого багета
со всем своим узором рамки из металла
вместо того, чтобы хвастаться – кем она стала:
смыслом рефрена пред простой сутью куплета,

если уж образ музыкальный применить
к гармонии багета с фотоснимком Анны:
настоль сравнения узору не желанны
с каким-то фоном леса, что греха таить, —

вязь словно вжалась – ужасом —

в деревьях кроны,
стремясь листвою стать иль средь веток скрыться,
чтоб сам собой этот дурной сон смог забыться,
в котором рыки так похожи на слов стоны,

что издаёт полная слёз Зверя утроба...

Розы – две белых, с алым цветом посредине, —
никак не могут до сих пор найти причине
такого страха (уровня склепа иль гроба...)

реальных объяснений, не вняв колдовству
ауры Хищника, с наивностью разлѣгшись
У Анны ножек, ароматами растѣкшись

по тувелькам – в знак принадлежности к родству...

– Вновь Зверем обращаю взор ко дню прогулки,
с шипеньем Аннушки и с дочки интересом...
Может и вправду мне идти дальше, и лесом,
с Анны судьбы свернув в глухие переулки?

Для ревности мальчишеской я уже стар...
да и прошла от встречи с Анной эйфория:
шарается баба от Злодея-Змия,
что словом растоптал её выбора дар!

Как говорят в народе... каждому – своё,
какой бы ни был плохонький да всё же свой!
Не потому ль Анна за мужа впрямь горой,
который – против Зверя – труса лишь гнильё?

По своей сущности, что ль, выбрала супруга
мечта аульная, став городским стандартом,
замужеством отмахиваясь как штандартом?
Явь осознала: хомуту нужна подпруга?

Вновь будто слышу: «Я – обычная жена,
простая баба, с вечной преданностью мужу!»
Тантриста усадили в собственную лужу,
мордою в камень ткнув? В том ценности вина

иль виноватости стоимось Волкодлака,
которую Анна в упор не замечает?

За выбора ошибку злостью привечает
Зверя зодиакальное созвездье Рака:

укором – «недоброжелателей» гоняя;
мозг Волкодлака – злобностью крика-шипенья?
Анну-супругу так достали людей мненья,
что в замешательство ввела даже сомненья:
жить, восторг Зверя – быта «счастьем» заменяя?

Так много «недоброжелателей» нашлось,
мол, жена-баба с мужским выбором ошиблась?
– С каким же недоброжелательством ты сшиблась,
если признаться Волкодлаку в том пришлось?

А по-другому кинуть взгляд на эту тему
не пробовала Анна иль тайно пыталась:
с квартирой, с «тачкой», с «мачо» -мужем оказалась
бессильна Тантры хищной разрешить проблему?

Иль руганью так закрывала Зверю пасть,
чтобы, помилуй бог, не начал разговор,
в котором – бабой – женщина видит позор,
если не от супруга-мужа эта сласть,

которую Анне даёт и ощущает
сам Волкодлак с экстрасенсорикой своей?
Вот потому мы и ведём себя скромней?
Страсти разгульность разум женский не прощает?

А я спросить и нагло смог бы, напрямую:
уж не от Зверя ль Анна «тащится» в оргазмах,
так содрогаясь в сладострастных женских спазмах,
что впрямь иначе не назвать: близость – вживую?

Только любая баба откреститься может
от этих слов-упрёков собственным стыдом,
добропорядочностью укорив своей при том,
аж округлив глаза, мол, быть того не может!

– Упорно держишься за брака отношенья,
что мертвечиной, гнилья запахом воняют?
На это «недоброжелатели», что ль, намекают?
«Мир» удалила на «Mail.ru» – из-за их мненья?

Твой муж-супруг, Анна, похож на мертвеца,
на зомби, что передвигаться тоже может;
даже детей «строгать», если жена поможет...
Картина – прелесть: «Оп-па, по-па, дри-ца-ца!»

Все «недоброжелатели» – за Волкодлака,
за исключением некоторых горе-баб,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.